

Аграрный строй России в 1930-1980-е гг.: контуры новой концепции (тезисы)*

1. В изучении аграрного строя России 1930-1980-х гг. как совокупности производственных, социальных, политических и духовных характеристик аграрной подсистемы общества к настоящему времени накоплен значительный научный опыт. В трудах В. П. Данилова, И.М. Волкова, М.А. Вылцана, Н.А. Ивницкого, И.Е. Зеленина, Ю.В. Арутюняна, В.Б. Островского, А.П. Тюриной, Л.Н. Денисовой, В.Ф. Зимы, В.П. Попова, О.М. Вербицкой, других исследователей проанализировано состояние социально-экономического устройства российской деревни в 1920-е гг., ход и методы коллективизации, демографические, производственные, социальные составляющие жизни российского села 1930-1980-х гг., материальное положение колхозников. Фундаментальные многотомники «История социалистической экономики СССР» и «История крестьянства СССР» стали своеобразным итогом осмысления явлений, нашедших отражение в классической советской историографической традиции¹. Параллельно появилась большая группа исследований, отражающих региональную специфику проблем и процессов, описанных в общероссийской историографии, среди которых можно выделить исследования по центральной России, Сибири, Уралу, другим регионам страны².

Накопленное знание о развитии сельского хозяйства страны 1930-1980-х гг., на наш взгляд, не вписывается в рамки «старой» концепции произошедших в аграрном секторе перемен, что ставит задачу переосмысления роли советского строя и его важнейшего слагаемого – колхозной системы – в трансформации российского общества. Тем более что «старая» концепция не объясняет «вхождения в капитализм» начала 1990-х гг.

2. Эволюция аграрного строя России в XX веке представляла собой совокупность явлений, соответствующих становлению общества, выходящего за рамки аграрного состояния. Этот процесс для конца XIX – первых полутора десятилетий XX в. был зафиксирован в трудах И.Д. Ковальченко, А.М. Анфимова, В.Г. Тюкавкина и других историков, которыми были высказаны

* Работа выполнена при финансовой поддержке научной программы «Университеты России 2002-2003». Проект № 10.01.005.

весьма различные мнения относительно товаризации средств производства, продукта труда и рабочих рук в сельском хозяйстве³.

Так называемое аграрное общество характеризуется подавляющей ролью в экономике сельскохозяйственного производства, существованием имеющего собственность крестьянства как основной массы населения и достаточно автономного крестьянского хозяйства как главной производственной единицы, основанной на семейной производственной организации, ручном труде, преобладанием «натуральности» воспроизводства средств труда в сельском хозяйстве, продовольственного и непродовольственного самообеспечения основной части населения. А.В. Островский отмечает также, что чертами аграрного общества является соединение политической власти и собственности на землю, религиозность в качестве системообразующего элемента духовности и культуры социума⁴.

Исследования В.П. Данилова позволяют заключить, что развитие сельской подсистемы в 1920-х гг. соответствовало основным критериям аграрного общества. По данным переписи населения 1926 г. 83% населения России проживало в деревне и почти целиком было занято сельским хозяйством как постоянным и главным источником средств существования. К моменту начала коллективизации в России существовало 17 млн крестьянских дворов, в которых проживали 88,6 млн душ. Мелкое крестьянское хозяйство почти полностью базировалось на применении ручного труда членов семьи, живой тягловой силы и примитивной техники - сохи и плуга. Традиционная структура производительных сил и возможность их воспроизводства внутри крестьянского двора поддерживала натурально-потребительский характер крестьянского хозяйства, его автаркизм⁵.

3. Главной содержательной канвой экономической трансформации страны в 1930-1980-е гг. стала капитализация сельской подсистемы. Под аграрным капитализмом, завершение становления которого произошло в СССР, по мнению авторов, в 1930-1980-е гг., понимается денатурализация и соответственно капитализация средств производства, господство крупных форм товарного производства, складывание ситуации, при которой капитал преобладает над живым трудом в структуре производственных издержек, происходит замена семейной кооперации труда узкопрофессиональной

специализацией, радикальное изменение структуры себестоимости аграрного продукта, а также роли факторов отделенной от производителя самовоспроизводящейся стоимости (капитала) и натуральных самовоспроизводящихся компонентов экономики. Особенностью завершения капитализации в российской деревне стало то, что она происходила посредством крупномасштабного использования архаичных, «феодалных» по сути, государственных по форме механизмов первоначального накопления, связанных, прежде всего, с насильственным отделением работника от средств производства, сгоном крестьян с земли.

4. Российский социализм 1917 – 1991 гг. вряд ли правомерно рассматривать как отступление от некоего магистрального пути. Видимо, это явление не выходило за рамки специфической формы капитализации России, хотя нельзя отрицать особенностей идеологии советской системы, а также ее социальных достижений.

Становление российского капитализма, отнюдь не завершившееся к 1917 г. и требовавшее усиления государственно-регулятивной функции, стало одной из причин революционных потрясений. Степень радикальности этих потрясений для социально-экономического устройства аграрной подсистемы страны нельзя не только недооценивать, но, что в современной историографической ситуации более важно - переоценивать. При всей значимости ликвидации помещичьего землевладения, удара по кулаку, национализации земли, других перемен - в России в 1920-х гг. сохранялись основные черты аграрного общества. Поэтому дальнейшее изучение аграрного строя советского периода истории России должно заключаться в исследовании процессов его модернизации, происходивших и в начале XX века - судеб русского аграрного «феодализма» и капитализма.

5. Важным элементом методологии в поиске рубежей социально-экономической трансформации российского общества следует считать превышение пятидесятипроцентной доли показателей стадияльно «старых» черт состояния общества или приобретения «новых». Несмотря на то, что такой подход страдает механистичностью в оценках процесса, он дает возможность установить грань, когда аграрный капитализм в советской деревне колхозных

времен превзошел, а потом и подавил некапиталистические факторы, а, значит, произошла стадильная трансформация общества.

Для реализации этой задачи важно выявить этапы эволюции основных факторов производства, определяющих базовые характеристики социально-экономической системы – капитала, земли и труда. В качестве критериев выявления этих этапов важнейшее значение будет иметь анализ изменения роли капитала в колхозной экономике, товаризации производства, показателей социальной стратификации общества, структуры себестоимости сельхозпродукции, развития хозяйства колхозного двора, потребительского бюджета семьи и др. Отличительной чертой предлагаемого подхода является особое внимание к исследованию базовых характеристик в «вертикальном» разрезе – на больших хронологических отрезках. Большое значение будет иметь изучение скорости происходящих перемен, что позволит установить степень зрелости процессов.

6. Преобразования 1917 – 1920-х гг., отчасти ориентировавшиеся на осуществление крестьянских чаяний, не давали возможности реализовать субъективно ставившуюся и объективно существовавшую потребность индустриализации страны. Чтобы получить хлеб, рабочие руки, финансовые ресурсы в 1930 - 1950-е гг. потребовалась, в определенном смысле архаизация аграрного устройства– изъятие земли из индивидуального пользования, восстановление повинностей – системы внеэкономического принуждения для мобилизации и перераспределения производимого продукта, ограничение права пространственного и социального перемещения. Неизбежность возврата к «полуфеодальному» устройству как условию модернизации (несмотря на внешнюю парадоксальность этого утверждения), была связана с тем, что никакой «столыпинский» опыт и «бухаринская» альтернатива не могли бы радикально помочь осуществить первоначальное накопление, точнее, его решающую стадию (сам этот процесс имел длительную временную протяженность).

Другой, видимо, неизбежный момент был связан с архаизацией государственного строя. Вновь был востребован жесткий политический режим, только и способный какое-то время удерживать на плаву «феодальную» реставрацию, под которой мы понимаем не восстановление средневекового

устройства во всем его многообразии, а временное использование выработанных носителями политической власти механизмов аграрного общества в других исторических условиях.

7. Капитализацию аграрной подсистемы важно экспонировать не только в контексте общего процесса капитализации в стране, но и во взаимосвязи с общим процессом модернизации и индустриализации. При этом нужно учитывать два слагаемых этого процесса – изменение соотношения ролей аграрной и неаграрной составляющих экономики, а также стадийность «рывка» промышленности с применением массированных внеэкономических методов эксплуатации сельского хозяйства, а позже ускорения преобразований последнего за счет созданной мощной индустрии.

Роль аграрной подсистемы в экономике СССР до начала 1930-х гг. являлась ведущей. И.В. Сталин считал переломным в превращении страны из аграрной в индустриальную 1929 г. Приводя показатели соотношения удельного веса промышленности и сельского хозяйства в формировании валового продукта СССР, он подчеркнул, что в этом году удельный вес промышленности впервые превысил показатели доли сельского хозяйства (55% составляла доля промышленности, 45% - доля сельского хозяйства)⁶. Показатели удельного веса сельского хозяйства в формировании национального дохода характеризуют процесс следующим образом. В 1928 г. национальный доход СССР получил от сельского хозяйства 39% поступлений, а от промышленности – 29%. В 1930 г. это соотношение равнялось 36% и 33%. Грань, когда основную часть национального дохода стала давать промышленность, приходится на 1930-е гг. (в 1950 г. это соотношение равнялось 22% - от сельского хозяйства и 58% - от промышленности)⁷. В любом случае, изменение важнейших макроэкономических пропорций свидетельствует о радикальных сдвигах в сторону индустриальной составляющей.

При оценке этих данных нужно учесть, что методология расчета была такова, что продукция сельского хозяйства оценивалась в ценах реализации, которые, как известно, были беспрецедентно низкими. Учитывая «ножницы цен» между продукцией промышленности и сельского хозяйства, можно с уверенностью говорить о заниженных показателях доли сельского хозяйства в формировании валового продукта и национального дохода. Не удивительно, что

после повышения заготовительных и розничных цен на продукты растениеводства и животноводства во второй половине 1950-х - 1960-е гг. соответственно возросла и доля сельского хозяйства в структуре национального дохода СССР (с 22% в 1950 г. до 23% в 1967 г.)⁸.

8. В качестве важнейшего критерия капитализации и перерождения аграрного общества, видимо, надо рассматривать такой экономический фактор, как доля капитала и «простого» труда в себестоимости продукта. Когда роль первого становится ведущей, можно считать, что грань, отделяющая аграрное общество от колхозного государственного капитализма, была пройдена.

Рассчитанное В.П. Даниловым соотношение доли капитала и доли труда в себестоимости аграрного продукта крестьянского хозяйства показало, что в 1925 г. живой труд являлся основной производительной силой крестьянского хозяйства. Доля затрат живого труда в себестоимости аграрной продукции растениеводства в среднем по стране достигала 56-75% (в зависимости от отрасли). Анализ структуры материальных издержек, произведенный В.П. Даниловым, показывает рутинность материально-технической базы аграрного производства. В 1925 г. 75-80% материальных издержек производства (без стоимости земли) приходилось на долю скота и семенного материала, а на долю инвентаря - всего 2-4% (в зависимости от культуры). С учетом всех издержек производства, включая труд крестьянина, роль техники в производстве сельхозкультур не превышала 1-2,5%⁹. Таким образом, к концу 1920-х гг. затраты живого труда крестьянина и его семьи в десятки раз превышали затраты труда, овеществленного в технике (капитала).

9. Определение структуры себестоимости продукции колхозов в 1930-1960-е гг. - дело чрезвычайно непростое. Расчеты себестоимости колхозной продукции советской статистикой до 1958 г. не производились. В экономической науке господствовала точка зрения, согласно которой для колхозов характерны натуральные отношения (!), и поэтому «колхозное производство является особым типом хозяйства»¹⁰ и не требует исчисления себестоимости продукции. Эта позиция экономистов показывает, что они отчетливо осознавали особенности колхозной экономики 1930-1950-х гг., но не улавливали, что это не более чем специфика типичного явления. Начавшееся в конце 1950-х гг. исчисление себестоимости сразу же столкнулось с целым

рядом методологических трудностей. Наиболее трудноразрешимой стала проблема оценки труда колхозников. Как известно этот показатель, состоящий из размеров фактических выдач продуктов и денег, в разных колхозах резко различался. Поэтому в методике исчисления себестоимости продукции колхозов ЦСУ до 1966 г., как правило, использовало в качестве условной оценки труда колхозников среднюю оплату труда рабочих совхозов¹¹. Хотя показатель структуры себестоимости достаточно условен, все же он позволяет оценить соотношение в себестоимости произведенной продукции живого труда и капитала, т.е. уровень капитализации отрасли.

По нашим расчетам соотношение материальных издержек и затрат живого труда в структуре себестоимости продукции колхозов в течение 1930 – 1980-х гг. претерпело значительную эволюцию. В конце 1950-х гг. затраты живого труда колхозников РСФСР составляли в ней не менее 55% всех производственных издержек колхозов, что говорит о генетической близости экономики колхозов этого времени по данному показателю к структуре элементов производительных сил, характерных для аграрного общества¹². Преодоление пятидесятипроцентной грани, когда капитал становится ведущим фактором производства, относится к началу 1960-х гг. Произведенные экономистами тех лет подсчеты показывают, что овеществленный в капитале труд составлял в колхозах РСФСР в 1964 г. 52% себестоимости сельхозпродукции, в 1965 г. – 57%. Этот показатель к 1970-1980-м гг. резко возрастает. В 1970 г. затраты живого труда колхозников составляли в себестоимости произведенного колхозами сельхозпродукта 28% (продукция земледелия) и 29% (продукция животноводства), в 1980 г. - соответственно 16 и 21%¹³.

10. Понимание процесса капитализации колхозов будет неполным без выяснения того, как менялась структура производительных сил аграрного сектора. Достаточно радикальные изменения в структуре материальных издержек аграрного производства наблюдаются с 1950-х гг., когда уменьшается значение их естественной самовоспроизводящейся в аграрном секторе части (семян, скота и т.п.). На их долю в 1960 г. приходится – 63%, в 1970 г. – 53%, в 1980 г. – 39% материальных издержек производства сельхозпродукции колхозов¹⁴. Напротив, доля продукции промышленности, амортизации

основных средств в материальных издержках возрастает. При этом нужно учитывать, что капитализация в животноводстве происходила медленнее: роль естественных производительных сил в этой отрасли была выше – если в растениеводстве доля стоимости семян в общей стоимостной структуре материальных издержек составляла в 1970 г. - 17%, в 1980 г. – 16%, то доля стоимости кормов в животноводстве (более чем на 60% состоящих из кормов непромышленного происхождения) составляла в указанные годы около 40% материальных издержек животноводства российских колхозов¹⁵.

Колоссальные финансовые вливания в сельскохозяйственное производство, курс на механизацию, химизацию, мелиорацию означали преодоление натуральности и самовоспроизводства производительных сил в колхозах. Капитал в аграрном производстве с середины 1960-х гг. начинает массированно вытеснять некапиталистические факторы. На долю амортизации основных средств, техники и другой продукции промышленности приходилось в 1960 г. 37% материальных производственных затрат в колхозах РСФСР, в 1970 г. – 45%, а в 1980 г. – 61% затрат¹⁶.

11. Капитализация в колхозной системе прошла ряд этапов. Первый охватывает 1930-1940-е гг. Для 1930-х гг. наиболее заметное проявление изменения материально-технической базы – соединение средств производства индивидуальных хозяйств. В 1930 г. средства производства колхозов практически не отличались от тех, которыми пользовался крестьянин, ведя традиционное семейное производство: 81% колхозов РСФСР работали только на живой «двигательной» силе, 56% в структуре основных средств производства (в стоимостном выражении) занимал рабочий и продуктивный скот, 19% сельхозинвентарь, 12% транспортные средства¹⁷. Самыми распространенными в колхозах орудиями труда и в 1930-е гг. оставались конные плуги и конные сеялки. По подсчетам экономистов стоимость основных производственных фондов в сельском хозяйстве (включая скот, хозяйственные постройки и производственный инвентарь колхозников) к 1935 г. возросла по сравнению с 1928 г. лишь на 20%, т.е. изменилась крайне незначительно¹⁸. Но началась и механизация, в основном тракторизация, охватившая, главным образом, небольшой круг сельхозопераций, преимущественно пахоту и сев зерновых. Наиболее яркой формой внедрения государственно-организованного

капитала в аграрную подсистему стали МТС – уникальный советский способ организации процесса производства на селе. В связи с войной и послевоенным восстановлением сельского хозяйства в 1940-е гг. капитализация аграрной сферы не претерпела кардинальных перемен.

Второй этап индустриализации и проникновения капитала в сельское хозяйство, приходящийся на 1950-е гг., был связан с расширением отраслей, сфер механизации сельского производства, с совхозизацией села, а также с завершением индустриализации страны в целом, что позволило приступить к радикальным переменам в сельской подсистеме.

Третий этап капитализации аграрного сектора – тесно связанный с так называемой «комплексной механизацией» – охватывает 1960-1970-е гг. На этот период приходится перераспределение средств между промышленностью и сельским хозяйством, резко возрастают капиталовложения государства в аграрный сектор. Повышается удельный вес мелиорации в себестоимости аграрного продукта; в виде участия в создании химических комплексов и через другие опосредованные сферы в сельское хозяйство пошел западный капитал, роль которого в этих процессах еще плохо нами изучена. А его роль была достаточно велика – только в 1959-1963 гг. на Западе было закуплено 50 химических заводов¹⁹.

Четвертый этап индустриализации аграрной сферы, приходящийся на конец 1970-х - 1980-е гг. - формирование агропромышленного комплекса. На этом этапе увеличивается роль промышленного капитала в формировании себестоимости аграрной продукции, возрастает концентрация производства, формируется взаимосвязанная система функционирования рынка аграрного и промышленного капитала. В сельском хозяйстве ускоряется создание межхозяйственных объединений. В 1966 г. в РСФСР их насчитывалось 1365 (объединяли 16,6 тыс. хозяйств), а в 1980 г. – уже 4034 (объединяли 57,2 тыс. хозяйств, около 70% из которых составляли колхозы)²⁰. Фактически в сельском хозяйстве возник новый аграрный строй, которому соответствовали радикально изменившиеся по сравнению с 1930-ми гг. материально-техническая оснащенность, организация хозяйства и социальная структура деревни.

12. Процессы капитализации в сельском хозяйстве наиболее быстро продвигались в совхозах. Модернизация колхозного животноводства, ряда

отраслей земледелия (картофелеводство, овощеводство) развивается позже. Здесь процессы индустриализации не были завершены и в 1980-е гг. Например, в РСФСР в середине 1980-х гг. 56% колхозников в растениеводстве и 69% в животноводстве выполняли работу вручную²¹.

В наименьшей степени подвергалась перестройке экономического механизма хозяйственная деятельность селян на личном приусадебном участке. Он же давал в 1960-1970-е гг. от 40 до почти 50% той доли национального дохода, который производился в сельском хозяйстве²². Такие показатели были связаны, прежде всего, с тем, что уровень капитализации в личном приусадебном хозяйстве (далее – ЛПХ) был крайне низким и материальные издержки – небольшими. С помощью машин или тягловой силы производились, как правило, лишь вспашка приусадебных участков и, иногда, частичная уборка урожая. Во всех остальных производственных процессах основную роль играл живой труд, примитивные орудия. В 1955 г. в среднем по РСФСР доля материальных издержек приусадебного хозяйства составила 26% от совокупного дохода семей колхозников, в 1965 г. – 43%. Материальные издержки ЛПХ состояли преимущественно из натуральных расходов – кормов, семян, подстилки для скота и т.д. В 1955 г. доля натуральных расходов в издержках двора российского колхозника составляла 85%, в 1965 г. – 82%²³. Лишь в начале 1980-х гг. наблюдаются подвижки в сторону капитализации ЛПХ, промышленностью начинается производство средств малой механизации. Так уже в 1984 г. население имело возможность купить 5 механизмов, применяемых, в основном, в растениеводстве (мотоблоки, мотокультиваторы и др.)²⁴.

13. Оригинальной формой переустройства аграрной общественной подсистемы в России явились колхозы.

Колхозы следует рассматривать как способ капитализации аграрного производства и важнейший механизм первоначального накопления в сельском хозяйстве. Основой колхозного устройства стало сложение потенциала индивидуальных крестьянских хозяйств. В своем развитии колхозная система прошла ряд этапов. Первый охватывает 1930-е гг. – от начала массового колхозного строительства до завершенности формирования таких несущих конструкций колхозного устройства как погектарные нормы обложения,

увязывание существования приусадебного хозяйства с трудом в колхозе и т.п. Второй включает 1940-е – начало 1950-х гг. - период существования колхозной системы в классическом виде, при которой путем внеэкономических методов, используемых для модернизации, создавались условия для торжества капитала в аграрной сфере. Третий период (с середины 1950-х до середины 1960-х гг.) – свертывания классической колхозной системы, характеризуется отменой системы госпоставок, ударами по личному приусадебному хозяйству, совхозизацией, крупномасштабным перемещением рабочих рук в промышленность, введением гарантированной заработной платы и распространением на колхозников пенсионной системы, резким возрастанием притока в деревню промышленного капитала. В 1950-1960-е гг. колхозная система заметно трансформировалась в индустриально функционирующее экономическое пространство. На четвертом этапе (конец 1960-х – 1980-е гг.) происходит окончательное перерождение системы в государственный аграрно-капиталистический механизм. В 1990-е гг. колхозы стали источником формирования частного или акционерного капитала. Накопленный в рамках существования колхозного строя потенциал оказался приватизирован, разворован или разгромлен.

14. Колхозы, по крайней мере, 1930-х – начала 1950-х гг., вряд ли следует рассматривать как явление, выходящее за рамки аграрного общества (пусть и в «государственно-феодальной» форме). По организационно-экономическому устройству они были намного ближе к «феодальным» владениям, управляемым назначенцами государства, чем к предпринимательским хозяйствам в аграрной сфере.

При всей принципиальной общности первого колхозного десятилетия (господства в деревне типичных устоев аграрного общества и «феодальных» пережитков) период 1930-х гг. и период 1940-х – начала 1950-х гг. существенно различаются. До установления обязательности выработки определенного количества трудодней, установления погектарных норм обложения, коллективизации подавляющей части дворов, вряд ли можно считать колхозную систему полностью сформировавшейся. 1940-е - начало 1950-х гг., кроме экстремальности ситуации, характеризуются пиком внеэкономического изъятия (норм эксплуатации) в целом для аграрного общества России. В этот период

была восстановлена система государственных повинностей (по выражению И.В. Сталина «нечто вроде «дани»), включающих отработочную, продуктовую и денежную формы. Законодательное оформление этой системы относится к концу 1930-х гг., а «отмирание» повинностей наблюдается с середины 1950-х гг.²⁵

15. Колхозы 1930 – начала 1950-х гг. характеризуются высокой степенью натуральности отношений с государством и колхозниками. Это проявлялось в формах реализации продукции колхозов – натуроплате работ МТС, системе заготовок сельхозпродукции, носившей в значительной мере характер натуральной повинности, а также оплате труда колхозников.

Основные средства производства были сосредоточены в руках государства в лице МТС, а принадлежавшие колхозам неосновные средства производства практически полностью воспроизводились в самих колхозах. Унаследованная от доколхозного крестьянского хозяйства, хотя и постепенно преодолеваемая многопрофильность, большая доля «промыслов» в хозяйстве сельхозартели сохранялись до середины 1950-х гг. Так называемая «высокая товарность продукции колхозов» 1930-начала 1950-х гг., по сути, таковой не являлась. Действительно, доля отчуждаемой продукции колхозов составляла по зерну в 1940 г. 46%, в 1953 г. – 39%, картофелю – соответственно 23 и 19%, овощам – 70 и 62%, молоку – 78 и 73%, яйцам – 82 и 91%, овечьей шерсти – 92 и 98%. Тем не менее, основная часть «товарной» продукции сдавалась государству вне каналов реализации за деньги на эквивалентной основе. В то же время по каналам продажи на колхозном рынке и другим видам колхозной торговли реализовывалась лишь мизерная доля продукции сельхозартелей: в 1954 г. – зерна 0,8%, картофеля – 1,5%, овощей – 22%, молока – 5%. В том же году российские колхозы получили от сдачи государству продуктов растениеводства 7% денежного дохода (от продажи в порядке колхозной торговли - 21%), продуктов животноводства – 38% денежного дохода (от продажи в порядке колхозной торговли – 30%)²⁶.

Такой порядок отчуждения продукции попадает под признаки своеобразной формы «феодалной» ренты, характеризующейся, кроме натуральной формы изъятия, значительной величиной доли отчуждаемого

продукта - затраты колхозов на производство продукции в 1950 г. возмещались государством лишь на 30 – 50%²⁷.

16. После Сталина и примерно до второй половины 1960-х гг. в рамках колхозного строя идет демонтаж «феодалных» порядков и создание основ государственного капитализма. Основной предпосылкой этого процесса становится завершение индустриализации в неаграрной подсистеме общества. Демографический баланс общества (перемещение огромных масс населения в город, в промышленность) все настоятельнее требовал замещения людей капиталом, «простого» труда – «овеществленным» трудом. Промышленный потенциал позволял в бóльшей степени насыщать сельское хозяйство машинами, оборудованием, техникой. Реорганизация МТС, передача техники колхозам означала еще большую их капитализацию, несмотря на противоречивость этой акции вследствие механизма передачи – продажи.

17. Распределение колхозом среди членов артели продуктов и денег в 1930-1950-е гг. нельзя расценивать как полноценную заработную плату. Выплаты от колхоза, даже осуществляемые в денежной форме, не являлись полномасштабным элементом товаризации рабочей силы. Денежная оплата труда в этом случае выступала как специфическая черта преобладавших внеэкономических методов эксплуатации. А натуральная часть лишь по форме отличалась от нее, а, по сути, также являлась методом трудовой мобилизации, достаточно типичным для аграрного общества. Колхозники получали оплату за труд не по фиксированным тарифным ставкам (как, например, рабочие совхозов), а по результатам хозяйственной деятельности сельхозартели. При этом распределение доходов между колхозниками, согласно Примерному Уставу сельхозартели 1935 г., производилось по остаточному принципу после выполнения обязательств перед МТС, засыпки семян на посев, фураж и т.д. Часто труд не оплачивался вовсе. Вместе с тем, в 1950-е гг. в экономике колхозов постепенно формируются элементы заработной платы, прежде всего, через развивавшуюся систему авансирования колхозников.

18. Оплата труда колхозников становится заработной платой, а рабочие руки товаром, когда она перестает быть связанной с итогами работы за определенный период, а также вводятся гарантированность выплат (1966 г.),

ежемесячность расчетов с колхозниками, исходя из тарифных ставок соответствующих категорий рабочих совхозов. Полное же завершение этого процесса происходит параллельно с «личным» освобождением – когда уход из деревни, перемена места работы перестают ограничиваться правовыми механизмами, т.е. с 1974 г., когда на колхозников распространяется действие новой паспортной системы.

Процесс товаризации рабочих рук также связан с денатурализацией оплаты труда за работу в колхозе, практически закончившейся в 1970-е гг. Если в 1953 г. доля денежных поступлений в семью российского колхозника составляла 21% от общего объема натуральных и денежных выплат, производимых колхозом, то в 1960 г. она равнялась 62%, а в 1970 г. – 95% поступлений от колхоза²⁸. С превращением труда колхозника в абстрактный денежный эквивалент завершается «товаризация» заработной платы, у колхозников увеличивается возможность приобретать промышленные товары (одежду, обувь и т.д.). Нарастание денежной части оплаты труда, превращение ее в заработную плату означало уменьшение крестьянских черт в социальной характеристике колхозника. Натуральная оплата от колхоза с утратой механизма удержания крестьянина в деревне также приобретает черты заработной платы. В то же время длительное сохранение натуральности в оплате труда являлось свидетельством продолжительности бытования рудиментов аграрного общества. Натуральная часть оплаты труда сохранилась даже в структурах власти общества, трансформирующегося из аграрного в государственно-капиталистическое, где до середины 1980-х гг. бытовало распределение продуктовых «пайков».

19. Первые два этапа колхозного строя (1930-е - начало 1950-х гг.) характеризуются вполне определенными поземельными отношениями. Основная их черта - «принудительность» землепользования. В истории колхозного строя встречается не только наиболее известная исследователям борьба за расширение приусадебного землепользования, но и периоды, когда в силу каких-то обстоятельств возникали кампании по «отказу» крестьян от приусадебной земли (например, одна из таких кампаний была в начале 1950-х гг.)²⁹. Реакция власти была однозначной – землепользование двора, его «тягло» охранялись государством как незыблемая основа поземельного устройства.

В 1932 г. земля, находящаяся в пользовании колхозов, была законодательно «закреплена» за ними, а любые переделы земли запрещались³⁰. Конституция СССР 1936 г. провозгласила бесплатность и бессрочность колхозного пользования землей. Колхозный строй характеризовался сочетанием крупного и мелкого землепользования. Государство предоставляло землю в пользование колхозам, а те в свою очередь – колхозным дворам (на правах производного землепользователя). Таким образом, землепользование было «иерархичным»: земля становилась объектом неоднократно накладывающихся друг на друга прав, влекущих соответственные «тягловые» обязанности землепользователей.

Еще одной характерной чертой поземельных отношений 1930-1950-х гг. была уникальность соединения земли и сельскохозяйственного капитала. До 1958 г. колхозам запрещалась продажа крупной сельхозтехники, она оставалась во владении государства. Аналогично этому колхозные дворы с 1939 г. были лишены возможности иметь в собственности лошадей и могли получать их как средство обработки приусадебного участка только от колхоза. «Разделенная» собственность стала становым хребтом функционирования экономического механизма первых этапов колхозного строя.

20. Подобные поземельные отношения были близки к отношениям арендного типа, причем арендная плата с колхозов и колхозных дворов взималась государством преимущественно в натуральной (обязательные поставки государству сельхозпродуктов, платежи натурой МТС) и, в гораздо меньшей степени, денежной формах (сельхозналог). Колхозный двор нес обязательства перед колхозом, главным из которых было выполнение отработочной повинности в общественном хозяйстве с выработкой обязательного минимума трудодней. Зависимость между размерами приусадебного участка и активностью участия в колхозных работах неоднократно подтверждалась крупными законодательными актами (1939 г., 1946 г., 1956 г.)³¹.

Монополия государственной собственности на землю жестко охранялась законодательством. Еще в 1937 г. была запрещена сдача в аренду земель сельхозназначения, в том числе сенокосов, пастбищ и др.³². К нарушителям землепользования применялась административная и уголовная ответственность.

Наиболее известна историкам документация о длительной борьбе государства с «захватчиками» приусадебных земель в 1930-1960-е гг.

В 1930-1950-е гг. в России был сконструирован особый тип поземельных отношений, включавший в себя достаточно много архаичных черт, присущих традиционным обществам. Трансформируются эти поземельные отношения лишь с середины 1950-х гг., когда возрастает отчуждение крестьянина от основного средства производства – земли, замедляются темпы освоения сельхозугодий «вширь» (последний рывок в этом процессе – освоение целины), вступают в полосу кризисного развития нетоварные отношения в сельском хозяйстве.

21. С конца 1950-х гг. система поземельных отношений становится более «свободной», земля освобождается от тягловых обязательств. С 1958 г. были отменены обязательные государственные поставки сельхозпродуктов колхозами, колхозными дворами, хозяйствами рабочих и служащих, а также натуроплата колхозов за работы МТС³³. С 1965 г. от обязательных поставок сельхозпродуктов государству освобождались единоличные крестьянские хозяйства и хозяйства кустарей³⁴.

«Освобождение» земли от «тягла» означало разрушение принудительности землепользования. Продолжавшаяся в 1950-1960-е гг. «экспроприация» земли разрывала связь сельского труженика с ней. Этому способствовала государственная политика по росту концентрации и огосударствлению производства, укрупнению землепользования, обрезанию приусадебных участков. Количество сельхозартелей в РСФСР с 1950 по середину 1960-х гг. сократилось с 68 тыс. до 16 тыс., а к 1980 г. – до 12 тыс. В то же время численность совхозов увеличилась с 3 тыс. в 1950 г. до 12 тыс. в 1980 г. В результате резко возросла площадь сельхозугодий, приходящаяся в среднем на одну сельхозартель, – с 1,1 тыс. га в 1945 г. до 6,2 тыс. га в 1960 г. и 7,3 тыс. га в 1980 г.³⁵ Изменение формы собственности приводило к тому, что бывший колхозник оказывался «отчужден» от земли, а в укрупненном хозяйстве к тому же увеличивалась удаленность от принятия хозяйственных решений.

Еще одно крупное изменение в поземельных отношениях было связано с реорганизацией МТС в 1958 г. Продажа сельхозтехники колхозам означала новую форму «соединения» основных средств производства с землей, был

сделан шаг к консолидации ранее «разделенных» прав собственности. Менялась иерархическая структура поземельных отношений, они становились более однородными. Две основные формы землепользования – колхозная и совхозная – быстро сближались. Происходило устранение связанности оборота земель – государственное законодательство с 1954 г. разрешало обмен земельными участками между колхозами, совхозами, другими землепользователями³⁶. Согласно Основам земельного законодательства СССР 1968 г. колхозы и совхозы самостоятельно могли передавать часть своих сельхозугодий во временное пользование. Пользование такой землей было не безвозмездным – временный пользователь обязывался возместить затраты сельхозпредприятию³⁷. Таким образом, частично и легально нарушалась монополия государственной земельной собственности.

22. Формальный статус землепользования в 1970-1980-е гг. изменился мало. Однако реальная сущность поземельных отношений трансформировалась параллельно капитализации аграрного строя и раскрестьяниванию. В обществе шло становление нового протокласса, заинтересованного в легальном и полном осуществлении прав собственности на землю. Формировались, по сути, нового типа арендные отношения, в рамках которых все большую роль в распоряжении и использовании земель играла становящаяся на ноги сельская протобуржуазия.

Важнейшей чертой поземельных отношений стало усложнение системы их функционирования. «Освобождение» земли от тягловых обязательств, связанных с ее держанием, совпало с увеличением возможностей вложений капитала в землю. Капиталовложения государства в сельское хозяйство в 1966 - 1975 гг. составили 61,8 млрд руб., и равнялись 64% от суммы вложений за указанный период, что значительно превышало капиталовложения самих колхозов³⁸. С 1965 г. – основное, а с 1975 г. почти все улучшение земель производилось за счет госбюджета³⁹. Долгосрочное кредитование колхозов Госбанком (основная форма вложений капитала в сельское хозяйство) возросло с 839,7 млн руб. в 1965 г. до 2482,7 млн руб. в 1975 г.⁴⁰ Все оформляющиеся «вокруг земли» товарно-денежные отношения неминуемо вели к тому, что земля, втягиваясь в них, сама приобретала черты товара. Не случайно в конце 1960-х – начале 1970-х гг. советские экономисты обосновывали мнение о необходимости стоимостной, денежной оценки земель⁴¹. Логика развития экономики привела к тому, что в 1974 г. было принято правительственное

решение о возмещении убытков землепользователям при отводе земель (стоимости зданий, насаждений, незавершенного производства и т.д.)⁴². В 1977 г. Совет Министров СССР постановил начать разработку государственного земельного кадастра⁴³. По сути дела, теперь до постановки вопроса об открытом обороте земли оставался буквально один шаг. Тем более что в советском обществе всегда существовали «ниши» скрытой и даже открытой товаризации земли. Сделать такой вывод позволяют материалы документов правоохранительных органов о «грубых нарушениях принципов социалистического землепользования». Покупка, продажа приусадебных участков, сенокосов, сдача их внаем «исполну» являлись в жизни сельчан весьма обычными сделками. Подобные «земельные сделки» с середины 1970-х гг. стимулировались горожанами, получившими разрешение покупать дома в деревне, что подразумевало и «продажу» приусадебного участка⁴⁴.

23. Эволюция поземельных отношений с конца 1980-х гг. стала по сути дела периодом правовой легализации нового земельного строя, связанного с рыночным характером поземельных отношений. В 1990 г. в законодательство о земле был введен новый титул – пожизненное наследуемое владение, а также право аренды земли. В 1993 г. указом Президента РФ о регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы установлено, что земельные фонды сельхозпредприятий должны быть разделены на индивидуальные пай, внутри коллективов разрешался оборот земли. Эти процессы были более выражены в отношении земель ЛПХ, которые с 1992 г. передавались в собственность со всеми полномочиями, включая право продажи, аренды и залога.

В 1990-е гг. была законодательно ликвидирована государственная монополия собственности на землю, а вместе с ней и базисный элемент «старой» системы поземельных отношений. Окончательное формирование буржуазного права земельной собственности (полной, неограниченной, исключительной и вечной) связано со вступившим в действие к концу 2002 г. федеральным законом об обороте земель сельскохозяйственного назначения. Сельская элита, владевшая большей частью сельхозземель на правах аренды (в ряде регионов уже в 1998 г. бывшие колхозники и рабочие совхозов - собственники земельных долей - сдавали в аренду от 50 до 70% земельных долей⁴⁵), начала вторичное перераспределение земли посредством земельного

рынка. Рыночный оборот земель ведет к становлению бессословной и «консолидированной» земельной собственности и, следовательно, к новому типу и формам поземельных отношений, основанным на взаимодействии новых социальных групп – землевладельцев и «новых пролетариев», основным средством существования которых является работа по найму или различные формы платного землепользования.

24. Завершение капитализации в аграрном секторе неизбежно привело к соответствующим социальным последствиям: раскрестьяниванию и пролетаризации. О раскрестьянивании В.П. Данилов говорит следующее. «Включение крестьянского хозяйства в товарно-капиталистическую систему общественных отношений и связей, сменивших отношения и связи докапиталистические – натуральные, происходит в ходе товаризации производства. Однако товаризация всего воспроизводственного процесса вела к утрате мелким хозяйством крестьянского облика в результате его превращения в крупное, капиталистическое или в результате его пролетаризации и исчезновения. Конечный результат включения крестьянского хозяйства в товарно-капиталистическую систему отношений и связей – «раскрестьянивание»⁴⁶. Процессы раскрестьянивания и пролетаризации неразрывно связаны между собой, они отражают сущность социальной трансформации традиционного общества. Авторы понимают раскрестьянивание как процесс отрыва основной массы населения от сельскохозяйственной деятельности, товаризацию рабочей силы, утрату крестьянством хозяйственной самостоятельности, возможности социального воспроизводства, перерождение основных сущностных социальных характеристик. Явно выделяются «внутреннее» и «внешнее» раскрестьянивание. Первое - характеризуется как процесс внутреннего перерождения крестьянства, приобретения новых черт остающимися жить в деревне. Под вторым - понимается миграция - прямое выталкивание из крестьянской среды, из деревни в результате подрыва воспроизводства двора⁴⁷.

25. Проблема раскрестьянивания является одной из наиболее дискуссионных в современной историографии. Разные мнения высказываются о длительности процесса раскрестьянивания в России, этапах и степени завершенности

процесса. Одна из причин неоднозначности мнений кроется в несогласованности понимания дефиниции «крестьянство». Некоторые историки главным признаком этой социальной категории считают ведение личного приусадебного хозяйства⁴⁸. Заметим, что сельскохозяйственный труд - главное занятие других социальных категорий – рабов, наемных рабочих. Но эти группы не подпадают под определение крестьянства, которое было совершенно особым способом интегрировано в аграрное производство. В отличие от рабов, лишенных основных средств производства, и рабочих, продающих свои рабочие руки, крестьянин являлся собственником основных орудий труда, владел или пользовался землей и вел хозяйство в достаточно автономном режиме, составляя основу общественного производства и населения аграрного общества.

Одно из наиболее внятных определений крестьянства, с которым следует согласиться, было сформулировано Т. Шаниным, считающим, что крестьяне - это мелкие сельскохозяйственные производители, которые трудом своих семей, используя простое оборудование, производят главным образом для собственного потребления и для того, чтобы исполнять свои обязанности по отношению к обладателям политической и экономической власти⁴⁹. По его мнению «крестьянство» определяется совокупностью четырех характеристик: крестьянского двора как базовой экономической единицы, где едины семья, участок земли, труд на нем; села как места проживания, социализации и культуры; особенностью занятий, характеризующихся низким уровнем специализации; и, наконец, подчиненным положением в обществе⁵⁰.

Что касается критериев завершенности процесса раскрестьянивания, то одно из мнений на этот счет было сформулировано В.А. Ильиных, который считает, что о завершенном раскрестьянивании свидетельствует невозможность воссоздания крестьянства как класса⁵¹. По нашему мнению, завершенность раскрестьянивания – это радикальное сокращение доли «крестьян» в социальной структуре общества, утрата функций по преимуществу натурального хозяйственника, соответствующие социально-экономические подвижки. Преодоление, в основном, крестьянских черт и означает завершение раскрестьянивания, хотя еще длительное время у носителей признаков этого слоя могут сохраняться остатки прежних экономических, социальных, психологических характеристик.

26. Социальная эволюция в колхозной деревне 1930-1980-х гг. отличалась большой спецификой с точки зрения процессов классического аграрного общества. В колхозных условиях продолжал действовать закон эволюции крестьянского хозяйства как трудо-потребительской категории, сформулированный А.В. Чаяновым. Он состоял в установлении взаимосвязи производственных и демографических процессов развития крестьянского двора, когда по мере изменения соотношения едоков и работников, увеличения потребительских запросов семьи растет хозяйственный потенциал, который затем разделяется, образуя новые семьи и дворы – хозяйства. Однако действие этого закона в деревне колхозных времен приводило к совершенно иному конечному результату. Рост потребностей не мог быть удовлетворен за счет микроскопического приусадебного хозяйства и почти бесплатной «барщины», – и закон срабатывал на выталкивание из крестьянского состояния потенциально будущих поколений. Вместо социального крестьянского воспроизводства общество получило крестьянскую «стерилизацию».

Население сельской местности до 1960-х гг. численно преобладало над горожанами. В 1939 г. в деревнях проживало 67% населения России, причем половина жителей страны в качестве основного занятия называла сельское хозяйство (в промышленности и строительстве работали тогда же 26% населения России). Переход половинного рубежа в долевого соотношении горожан и селян зафиксировала перепись 1959 г., когда доля сельского населения сократилась до 48%, а доля занятых в сельском хозяйстве – до 32% (в промышленности работали 37% населения России). В начале 1990-х гг. селяне составляли лишь 26% в общей численности населения России⁵². Таким образом, за шесть десятилетий существования колхозов раскрестьянивание сократило сельскую часть населения страны с 80% до примерно трети всех жителей государства. А оставшаяся часть колхозников постепенно социально переродилась.

27. В России раскрестьянивание (если исключить стадию вызревания основного процесса и время бытования остаточных явлений) охватывает примерно столетие: с 60 – х годов XIX до 60-х годов XX века. Наиболее интенсивным периодом раскрестьянивания России являются 1930-1960-е гг.

Здесь мы сталкиваемся с видимым противоречием: почему в условиях «феодальной» реставрации начинается сокращение и перерождение основной категории населения, свойственной аграрному обществу? Причина в том, что эта реставрация решала задачу перехода от аграрного общества к индустриальному. Проникновение в деревню государственно-организованного капитала уже в 1930-1950-е гг. отчасти денатурализовывало крестьянский труд и его продукт. Таким образом в условиях «феодальной» реставрации готовилась почва для трансформации крестьянина в рабочего. Обезземеливание крестьян, разрушение воспроизводственного механизма их демографического и хозяйственного статуса также вписываются в этот процесс.

В 1960-е гг. «раскрестьянивание» России в основном завершается. Незавершенность пролетаризации колхозников и других сельских тружеников обуславливалась лишь сохранением многих черт крестьянского мировосприятия, а также института личного подворья.

28. С конца 1960-х годов колхозник (как и совхозный рабочий) становится наемным рабочим государственного предприятия, хотя и сохраняет некоторые крестьянские черты, в том числе небольшое личное хозяйство, ориентацию на продовольственное самообеспечение, социально – психологические особенности. «Раскрестьяненные колхозники» в это время, несмотря на некоторое снижение уровня эксплуатации, пребывают в очень некомфортной социальной ситуации. Их прежняя идентичность крестьянина, пусть и сверхэксплуатируемого, была окончательно разрушена. Они оказались в «рабочих», но самого обездоленного и униженного сорта. Естественной реакцией на потерю идентичности стало, с одной стороны, нарастание негативных явлений социальной жизни: пьянства, социальной деградации. С другой стороны, форсированный уход крестьянства вызвал всенародный надлом и ностальгию по деревне, проявившиеся в трагичной и яркой литературе русских «деревенщиков».

29. Крестьянский двор до 1960-х гг. сохранял архаичные черты аграрного общества, не только во вполне самодостаточном, натурально-потребительском воспроизводстве средств труда, но и в продовольственном, а также бытовом обеспечении. Основой сохранения крестьянского статуса колхозного двора являлось приусадебное хозяйство, которое велось за счет семейной кооперации,

с разделением труда по полу и возрасту. Работы по уходу за садом и огородом, скотом и птицей в основном осуществлялись женщинами, а труд мужчин преобладал на работах по возведению и ремонту хозяйственных построек и инвентаря, на заготовке продуктов леса, кустарно-ремесленных работах. Воспроизводство хозяйства двора также, в основном, было натуральным: семена, корм, некоторые орудия труда, скот и молодняк воспроизводились внутри хозяйства. Внутри двора воспроизводилась и значительная часть несельскохозяйственной продукции, до 1960-х гг. сильны были кустарно-ремесленные традиции в хозяйстве. Лишь производство одежды и обуви с 1930-х гг. постепенно вытесняется из крестьянского хозяйства, а изготовление мебели, предметов быта во многом сохранялось внутри двора и в 1950-е гг.

В 1930-1950-е гг. натуральность сохранялась и в воспроизводстве рабочей силы колхозной деревни - продовольственные потребности колхозника в основных сельхозпродуктах удовлетворялись за счет хозяйства двора, происходила внутрисемейная «профессиональная» подготовка к сельхозтруду. Колхозная система «стерилизовала» крестьянство, но не уничтожила его окончательно. Индивидуальный хозяйственный уклад, несмотря на беспрецедентные ограничения, в течение десятилетий не был подсобным. Мясо, молоко, картофель, яйца еще долго производил в значительной степени и по преимуществу двор. В некоторых регионах и областях России это наблюдается даже в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Тем более велика была его роль в формировании бюджета колхозного двора. По бюджетным обследованиям конца 1930-х гг., проведенным в черноземных областях России, доля личного хозяйства во многих семьях превышала половину, а в некоторых семьях - 70% совокупных доходов семей колхозников (исчисление производилось в ценах колхозного рынка). К 1953 г. доля личного хозяйства в доходах российских колхозников возросла и во многих районах превышала 90%. В большинстве областей Нечерноземья около половины совокупных доходов колхозной семьи даже в начале 1960-х гг. формировалось за счет личного хозяйства⁵³.

Сохранявшийся до середины 1960-х гг. колхозный рынок был своеобразным показателем натуральности хозяйства двора, ибо доля отчуждаемого продукта не дает возможности говорить о сколько-либо высокой его товарности (в 1940-1950-е гг. доля проданного на рынке зерна составляла от 2 до 6% от произведенных в хозяйстве, картофеля от 4 до 7%, мяса от 9 до 21%,

молока около 4%, яиц от 10 до 18%). Нередко такая «торговля», по наблюдениям В.Б. Островского, принимала форму прямого продуктообмена. Состояние торговли было предопределено недостаточным развитием товарно-денежных отношений и рыночной инфраструктуры, и в то же время стимулировалось потребностями покупки самых необходимых изделий промышленности, получения денег для уплаты налогов. Нетоварный характер хозяйства двора сохранялся и в более поздний период: в 1964 г. 89% чистой продукции двора составлял фонд потребления⁵⁴.

30. Колхозный двор 1970-1980-х гг. выходит за рамки экономики традиционного общества, перестав существовать как самовоспроизводящаяся единица. К началу 1970-х гг. личные приусадебные хозяйства являлись активными потребителями средств производства колхоза. По подсчетам экономистов не менее 70% кормов, используемых в ЛПХ, строительные материалы, часть семян, саженцев, молодняка являлись продукцией обобщественного производства⁵⁵. Использовались в приусадебных хозяйствах и некоторые средства механизации колхоза. Последний оплот крестьянского состояния – формирование бюджета за счет своего хозяйства – пядесятипроцентную грань переходит в большинстве областей Центральной России в первой половине 1960-х гг. и уменьшается к концу 1980-х гг. до пятой части совокупного дохода семьи колхозника⁵⁶. Уходит в прошлое традиция крестьянской базарной торговли. Основные денежные средства колхозной семьи формируются за счет оплаты труда в колхозе, заработной платы, социальных выплат от государства.

Денатурализация двора, разрушение его натурально-потребительского характера находит отражение в структуре расходной части бюджета. К началу 1980-х гг. расходы на питание, где теперь присутствовала большая доля продукции, подвергшейся промышленной переработке, составляли около 40% расходов, примерно такой же была доля затрат на непродовольственные промышленные товары и оплату культурно-бытовых услуг⁵⁷. Практически полностью изготовленными вне крестьянского двора становятся предметы домашнего обихода (мебель, посуда, одежда и обувь, другие хозяйственно-бытовые товары). По структуре бюджета колхозный двор все сильнее сближается с семьями рабочих и служащих, особенно в расходной части.

31. Выход приусадебного хозяйства колхозного двора из «аграрного» состояния проходит ряд этапов. Начало этого процесса связано с 1930-ми гг., когда двор был лишен лошади, происходило быстрое сокращение доли технических культур в структуре посевных площадей приусадебных участков колхозников. Даже в начале 1930-х гг. они занимали около 7% посевных площадей приусадебных участков, а к 1960-м гг. их доля не превышала 1%. Хлебный клин до минимума сокращается в структуре посевов двора к 1970-м гг. (с 16% в 1940 г. до 7% в 1970 г.)⁵⁸. Одновременно происходит падение агротехнической культуры приусадебного хозяйства, деградирует правильный севооборот и т.д. Параллельно с этими процессами исчезает интерес колхозников к расширению и даже сохранению приусадебного участка. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. доля дворов, не имеющих земли, с землей только под постройками или с малым (до 10 соток) количеством земли не превышала в большинстве областей 1 - 3%. Зато доля дворов с максимально возможным для данного региона земельным участком, как правило, была на уровне 30 %, а чаще 40 - 50%. Серьезные перемены начали происходить лишь в 1960-х гг., усугубляясь в течение 1970 - 1980-х гг. На Европейском Севере, например, в середине 1980-х гг. свыше 10% колхозных семей вообще не имели приусадебного участка, а доля семей с максимальными земельными участками сократилась по сравнению с 1950-ми гг. в 2 - 3 раза⁵⁹. И, наконец, последним этапом перерождения хозяйства двора можно считать отказ от содержания коровы. Уже в начале 1960-х гг. в России лишились коров около трети крестьянских семей, а во второй половине 1980-х гг. доля таковых приблизилась к 50% дворов. По областям Европейской России в 1987 г. доля семей, содержащих корову, колеблется от 14 до 35% от общего числа колхозных дворов⁶⁰.

32. Важным показателем выхода из аграрного общества являлось распадение крестьянствования как рода занятий на группы профессиональной специализации. Первоначально труд в колхозах в основном не был специализированным, колхозники сохраняли статус многофункциональных работников, утвердившийся внутри крестьянского двора. Уже в 1950-е гг. становится явно заметно, что занятие сельским хозяйством из образа жизни постепенно становится профессией, происходит выход за пределы села системы профессиональной подготовки. Если в 1939 г. было зафиксировано 12-13

сельскохозяйственных специальностей, то в 1959 г. – 25, а к 1974 г. их число увеличилось до 159⁶¹. Доля лиц без обозначения профессий снизилась с 81 % 1939 г. 75% 1959 г., а имеющих профессию соответственно увеличилось с 19% до 25% за тот же период⁶².

Еще одним важным показателем раскрестьянивания являлась «индустриализация» сельских профессий, увеличение доли людей, связанных по характеру работы с машинами и механизмами. В 1939 г. кадры механизаторов составляли не более 4% общей численности занятых в сельском хозяйстве, в 1960 г. эта доля возросла до 9%, в 1970 г. составила 14%, а в 1980 г. – 45% работников колхозов⁶³. Своеобразную «индустриализацию» переживала и колхозная элита – предпринятая в середине 1950-х гг. акция по посылке на руководящие посты в колхозах 30 тыс. рабочих была одной из важнейших составляющих этого процесса.

Новый колхозно-совхозный строй совершенно изменил деревню с точки зрения форм и способов аграрного производства, взаимоотношений людей – индивидуальные, самодостаточные хозяйства были принудительно «сведены» в единый производственный процесс с одновременным неизбежным социальным размежеванием.

33. «Раскрестьянивание», конечно, не может рассматриваться только как процесс экономический. Оно сопровождалось трансформацией крестьянского хозяйственного идеала, сначала смутным, а потом все более заметным выходом за рамки крестьянских ценностей. В обществе, которое называлось социалистическим, складывались в завуалированном, «социализированном» виде многие, в общем-то, традиционные тенденции имущественной и социальной дифференциации⁶⁴. Конечно, проявления расслоения в деревне были другими, чем в России начала XX века, где основная грань проходила по линии обеспеченности крестьянского двора средствами производства.

Для колхозного времени социальная и имущественная дифференциация имела ряд особенностей: она складывалась в рамках определенного исторического контекста, когда в деревне отсутствовало крупное индивидуальное производство. Для крестьянского социума этого периода были характерны малые масштабы расслоения, кроме того, действовал политический и идеологический курс на сдерживание дифференциации общества. До конца 1950-х годов он обеспечивался в значительной степени системой крестьянских

повинностей, с помощью которой из хозяйства изымалась большая часть ресурсов, необходимых для создания высокого уровня жизни. Нельзя не отметить наличие в советском обществе специфических механизмов, влиявших на социальную и имущественную дифференциацию, в частности, распределения средств через общественные фонды потребления.

34. В обществе 1930-1980-х гг. существовали в разном соотношении три типа крестьянской зажиточности.

Прежде всего, «крестьянский» - с потребительской, в основном, ориентацией. Основой относительно высокого материального статуса для части крестьянских дворов являлся труд в приусадебном хозяйстве с его натурально-потребительской ориентацией. Не случайно то, что натурально и с потребительской целью воспроизводилось внутри приусадебного хозяйства (скот, продукты растениеводства, питания и т.д.), являлось и критерием зажиточности для рядового крестьянского населения.

По мере угасания возможностей старокрестьянского типа имущественного выделения все большие масштабы приобретает тот тип дифференциации, который формируется в результате процесса раскрестьянивания. Условно назовем этот тип «протобуржуазным». Легализация его статуса произошла в 1990-х гг. Процесс капитализации, который объективно и подспудно шел в «социалистическом» обществе, неизбежно сопровождался формированием социальной верхушки и пролетаризацией большей части населения.

Однако вышеназванными двумя типами процесс социальной и имущественной дифференциации в колхозной деревне не исчерпывался. В рамках социалистической идеологии и политики государства нельзя не увидеть становления отличного от других, «социалистического», типа зажиточности, о котором постоянно упоминали партийные и государственные документы как о желательной социальной общественной эволюции, пути к идеальной модели будущего коммунистического общества. Это не было простой декларацией. Как показывают данные статистики, расширение группы высокооплачиваемых и высокодоходных семей, «осереднячивание», которое было, несомненно, амбивалентным процессом, являлось одной из ведущих тенденций послевоенного советского общества. В определенном смысле можно говорить о

превалировании именно этого типа эволюции материального положения в течение последних десятилетий советской истории России. Вместе с тем, социалистический тип зажиточности во многом являлся результатом сконструированных политических решений и был нацелен, с одной стороны, на преодоление элементов традиционной крестьянской зажиточности, а с другой - на нивелирование советского капиталистического «андеграунда».

35. В колхозный период происходили изменения роли той или иной формулы материальной стратификации, когда черты какого-то определенного типа играли ведущую роль в статусном самоопределении «крестьянского» как идеала, соответствующего осознанным и только зарождающимся ценностям общества. По нашему мнению, выделяются определенные этапы эволюции имущественной и социальной дифференциации в послевоенной российской деревне.

Первый - связан с завершением процесса формирования колхозной системы и существованием ее в «классическом» виде. Его протяженность - с середины 1930-х до середины 1950-х гг. Важнейшая черта этого этапа - преобладание натурально-потребительских аспектов материальной дифференциации. Второй (важнейшей характеристикой которого является начало бурной пролетаризации крестьянства) охватывает десятилетие после смерти Сталина. Динамичное, хоть и подспудное, становление основ и занятие стартовых позиций будущей социальной верхушкой активно шло в течение следующих двадцати пяти лет. И, наконец, в 1990-х гг. произошли социально-революционные изменения, в которых капитализировавшаяся верхушка реализовала накапливавшиеся материальные, административные, морально-психологические элитарные потенциалы.

36. Особенностью этапа 1930-начала 1950-х гг. является механизм формирования материального положения на селе в условиях существования системы повинностей. Высокий уровень изъятия ресурсов двора приводил к тому, что формирование зажиточной прослойки сельского населения было крайне затруднено. Критерий идентификации статуса зажиточности оказывался очень заниженным. Судя по крестьянским письмам, воспоминаниям, хотя бы минимальное удовлетворение личных продовольственных потребностей, наличие минимально необходимых жилищных условий, скота, участка обработанной земли были характеристикой нормального материального

состояния. Присутствие в хозяйстве каких-то приобретенных предметов не первой необходимости, заработная плата руководителя и т. д. рассматривались как критерий зажиточности. И все же состояние зажиточности было исключением для данного этапа. Бюджетная статистика самую высшую по доходам на члена семьи группу (1200 и более рублей в год) фиксирует даже в конце 1950-х гг. в размере до 1,5 % семей⁶⁵.

В целом, в рамках первого этапа практически не заметно «естественного» (не насильственного) сокращения важнейших элементов индивидуального хозяйствования, которые во многом и лежали в основе имущественной дифференциации, в том числе, формируя идеал «хорошего хозяина» на селе.

37. Резкое ускорение расслоения характерно для второго этапа социальной и имущественной дифференциации (1950-е - начало 1960-х гг.). В основе этого процесса лежала пролетаризация крестьянства. По сути, с введением гарантированных денежных форм оплаты труда отношения государства с колхозниками, «как с крестьянами», изменились на взаимоотношения с колхозниками «как с рабочими», чему соответствовала замена крестьянских повинностей отношениями найма.

Формирование в аграрной сфере слоя будущих «приватизаторов» как социальной группы реально начинается именно в этот период, на что указывают и данные социологов, изучавших морфологию процессов, произошедших в 1990-х гг., в частности исследования сектора социологии сельского хозяйства Института социально-политических исследований РАН (группа В. И. Старовойта). Условия формирования будущей деревенской элиты, как правило, сочетали вершечное положение в системе колхозной иерархии и соответствующий материальный статус, а также более благоприятные условия личного хозяйствования.

Одновременно происходило сужение пространства индивидуальной крестьянской деятельности, особенно на втором этапе хрущевского правления (первая половина 1960-х гг.). К этому же этапу относятся важные изменения в социальной психологии крестьянства. Практически полностью изживает себя многопоколенная традиция повинностного поведения в отношении государства, в крестьянское сообщество постепенно внедряются ценности индустриального общества – индивидуализм, приоритет личного благополучия над системным

единством. В 1960-х гг. последний раз нами фиксируется еще одна уникальная черта крестьянского поведения, когда 4 - 5-е поколение бывших крепостных фактически уже добровольно, на основе традиции, приносило определенные подати потомкам своих бывших господ (такие факты известны, например, в Устюженском районе Вологодской области).

38. Третий этап социальной трансформации крестьянства в условиях социализма (середина 1960-х – начало 1990-х гг.) связан с достаточно активными процессами формирования «протобуржуазии». В 1980-х гг. социологами зафиксировано явление социальной дифференциации по критерию «управленцы – исполнители», представлявшее собой классический механизм реализации капиталистической частной собственности. Руководители постепенно сконцентрировали права владения и пользования средствами производства, от которых до полной собственности был буквально один шаг. В скрытой форме в течение этого периода осуществлялись и попытки по сути приватизации колхозной собственности, средств производства, произведенного продукта и т. д. Правоохранительная аналитика, пресса и публицистика того времени были заполнены фиксацией случаев злоупотреблений управленцами своим положением с целью присвоения аграрного продукта. Еще одной группой потенциальных приватизаторов были высококвалифицированные работники колхозов, в частности механизаторы. Использование колхозной техники для своих нужд становилось массовым явлением.

Одновременно сокращаются попытки расширения индивидуального хозяйствования крестьянского типа. Об этом свидетельствует, в частности, резкое уменьшение с конца 1960-х гг. так называемых «захватов» земли, бытование которых было распространено в повседневности 1940-1950-х гг. Критерии статуса зажиточного хозяина в сельской среде в рамках данного этапа меняются. Все большее значение в качестве оценочного элемента приобретает обладание домашнего хозяйства предметами длительного пользования (стиральная машина, холодильник, телевизор), символом богатства становится легковой автомобиль. Немаловажно, что в качестве критерия зажиточности обязательно учитывалось качество жизни, например, получение различных льгот (путевок, возможности достать дефицитный товар), а также социальной мобильности младших членов семьи, в частности доступность для них высшего образования.

Наряду с появлением и развитием тенденций предпринимательского типа зажиточности, в 1960 - 1980-х гг. были достигнуты наибольшие успехи в реализации социалистического типа социальной политики на селе. Это проявилось в количественном росте группы наиболее материально благополучной части сельского населения. При этом не происходило маргинализации, а скорее наблюдалось общее «осереднячивание» деревни – возрастание слоя людей со средним достатком.

39. Нарастание актуальности приватизации для протобуржуазных элементов наблюдается в 1970-1980-е гг. и связано с тем, что наступает время передачи статуса и места в иерархии следующим поколениям, чего нельзя было сделать в рамках государственного владения собственностью и распоряжения продуктом. Разрешение этого потенциального стремления наступило в рамках четвертого этапа социальной эволюции деревни, который ознаменовался полной победой скрытой тенденции капитализации аграрного производства.

Радикально и достаточно быстро уходят факторы прежнего механизма воздействия на процесс дифференциации: роли и места в общественном производстве, значения фондов общественного потребления, доходов от колхозов и прочих атрибутов социализма. На этом этапе только в остаточном качестве сохраняется крестьянское понимание идеала хозяйствования как достаточного уровня удовлетворения потребительских интересов, долго служившее системообразующим элементом аграрного социума.

40. Динамика и глубина социальной трансформации колхозников связана со степенью капиталистического перерождения отраслей, особенностями в этом отношении территорий, да и отдельных хозяйств. Более высокий уровень насыщения аграрной подсистемы капиталом, имущественное и социальное расслоение, «втягивание» селян в процесс капитализации, формирование некрестьянских социально психологических установок происходили неравномерно по отдельным отраслям, структурам, формам организации сельхозпроизводства, территориям, где сказывались факторы «столичности», промышленной «важности», необходимости замены старого механизма отраслевого регулирования и т.п. Эта градация отражалась на уровне единиц аграрной организации: нередко более «капиталистически-продвинутые» хозяйства были генетически связаны с традициями «крепких» дворов, существовавших до революции, объединившись в 1930-е гг., они превращались

в колхозы-майки, а после развала колхозов активно начинают развивать фермерское хозяйство. Эта проблема в историографии практически не изучена, но ее исследование может привести к интересным и неожиданным выводам.

41. В 1930 – 1980-е гг. достаточно типичное аграрное общество России трансформируется в специфический российский аграрный капитализм, иногда вполне справедливо называемый социализированным. Социалистическая теория может рассматриваться не только как ширма буржуазной модернизации. То, что этой идее верили сотни миллионов людей, значительная часть представителей правящего слоя – не могло не отразиться на состоянии общественных отношений в целом. Революционные аграрные преобразования происходят в основном в 1930 – 1960-е гг., когда разрушается присущий аграрному обществу экономический, социальный, бытовой, духовный уклад, большая часть крестьян перемещается в промышленность, а остальные пролетаризируются, лишаясь необходимого пространства крестьянского типа хозяйствования, деревню постепенно осваивает капитал. Он побеждает в 1970-1980-е гг. Обеспечившее же в очередной раз модернизацию России государство становится перед мучительным выбором – найти способ социализации этого монстра или сдаться ему. Первое – не удалось, второе – реализовали тысячи и миллионы экономически и психологически подготовленных к этому приватизаторов.

* * *

Текст не случайно называется «контурами» и изложен в тезисной форме. Кроме того, что здесь подводятся определенные итоги проведенных ранее исследований, и предлагается новое прочтение введенного в научный оборот материала, этот свод выявляет комплекс вопросов, требующих дальнейшего изучения. Прежде всего, историкам нужно договариваться о значении понятий, дефиниций, терминологии - например, о том, что такое капитал, капитализм, капитализация. Существующие в экономической науке подходы, включая характеристику капитала как «материального и духовного ресурса» или «самовоспроизводящейся стоимости» явно недостаточны для задач исторического описания этих процессов. Кроме того, на наш взгляд, процесс капитализации необходимо лишить идеологического подтекста и рассматривать, его, прежде всего, как элемент функционирования экономики,

отделяя от оценки решения социализированным государством других общественных задач.

Не менее важная и более трудоемкая задача – выработка новых подходов и методик исследования советского сельского хозяйства. Огромные достижения советской историографии в исследовании деревни вряд ли потребуют нового пересчета численности населения, посевных площадей, скота, тракторов, другой сельхозтехники; маловероятно, что радикально будет меняться оценка объемов производства отраслей сельского хозяйства и т. д. Напротив, исследование характера и типов организации производства, особенностей аграрного рынка и других форм движения продукта, капитала, методов и механизмов социальной трансформации, специфики духовной эволюции сельского социума, других проблем невозможно на основе господства узковременных характеристик колхозной истории, использования методов пересказа сводок хозяйственной документации, порожденной сельхозпредприятиями и органами управления, комментариев аграрной политики и другого устаревшего инструментария. Нам представляется, что главный путь в решении этого вопроса – обращение к классическим традициям аграрной историографии, давшим бесспорный результат при изучении русского аграрного капитализма доколхозного периода – трудам И.Д. Ковальченко, А.М. Анфимова, П.Г. Рындзюнского, Н.М. Дружинина, В.П. Данилова и других историков.

¹ Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; Он же. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979; Волков И.М. Трудовой подвиг колхозного крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946 – 1950 гг. М., 1972; Вылцан М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя. 1945 – 1958. М., 1976; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996; Зеленин И.Е. Совхозы СССР. 1941 – 1950. М., 1969; Он же. Аграрная политика Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001; Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970; Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Изд. Саратовского университета, 1967; Тюрина А.П. Социально-экономическое развитие советской деревни 1965 – 1980. М., 1982; Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960-1980-е годы. М., 1996; Зима В.Ф. Голод в СССР 1946-1947 гг.: происхождение и последствия. М., 1996; Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953). М., 1993; Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992; Она же. Население российской деревни в 1939 – 1959 гг.: проблемы демографического развития. М., 2002; История социалистической экономики СССР. В 7 т. М., 1976-1980; История крестьянства СССР. В 4 т. М., 1986-1988.

² Доброноженко Г.Ф. Коллективизация на Севере. 1929-1932. Сыктывкар, 1994; Бакунин А.В., Денисевич М.Н. Развитие личных подсобных хозяйств населения: тенденции и перспективы

(30-80-е гг.). Свердловск, 1990; Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945). Свердловск, 1990; Мотревич В.П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990; Толмачева Р.П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946 – 1950). Томск, 1979; Она же. Колхозы Урала в 50-е гг. Томск, 1981; Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Сельская среда и население Карелии, 1945-1960 гг. Л., 1988; Павлов Н.П. Крестьянство Удмуртии. 1946 – 1970 гг. Ижевск, 1975; Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Ч. 1. Чебоксары, 1989; Шорников А.М. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии (1959 – 1985 гг.). Ч. 2. Чебоксары, 1990; Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950-1965 гг. М.-Вологда, 1991; Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985; Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960-1980-е гг. Новосибирск, 1991.; Горбачев О.В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946 – 1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002; др.

³ Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма (источники и методы исследования). М., 1988; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966; Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962; Он же. Крупное помещичье хозяйство Европейской России в конце XIX в. М., 1969; и др.

⁴ Островский А.В. История цивилизации. СПб., 2000. С. 201.

⁵ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 30, 44, 213, 215, 268.

⁶ Сталин И.В. Отчетный доклад 17 съезду партии о работе ЦК ВКП (б). 26 января 1934 г. // Сталин И. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 310

⁷ Ванштейн А. Народный доход России и СССР. История. Методология исчисления. Динамика. М., 1969. С. 96, 111.

⁸ Там же. С. 153.

⁹ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 266 – 267.

¹⁰ См. например: Емельянов А.М. Методологические проблемы накопления и рентабельности в колхозах. М., 1965. С. 40-43; Морозов В.А. Трудодень, деньги и торговля на селе. М., 1965. С. 23; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 211. Л. 9.

¹¹ Эффективность сельскохозяйственного производства. М., 1967. С. 33.

¹² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1655. Л. 25-33, 49.

¹³ Хозрасчет и цены в социалистическом сельском хозяйстве. М., 1969. С. 256; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971. С. 506; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1981. С. 398 – 400.

¹⁴ Рассчитано по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1074. Л. 93; ГАРФ. Ф. А-616. Оп. 9. Д. 4056. Л. 90-100.

¹⁵ Рассчитано по: Сельское хозяйство СССР. М., 1971. С. 506; Сельское хозяйство СССР. М., 1981. С. 205, 398 – 400.

¹⁶ Рассчитано по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1074. Л. 93; ГАРФ. Ф. А-616. Оп. 9. Д. 4056. Л. 90-100.

¹⁷ Колхозы в 1930 г. Итоги рапортов колхозов 16 съезду ВКП (б). М.-Л., 1931. С. 28, 134.

¹⁸ Котов Г.Г. Расширенное воспроизводство социалистического сельского хозяйства. М., 1969. С. 22.

¹⁹ Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 67.

²⁰ Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. С. 162; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1981. С. 440.

²¹ Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1988. С. 255 – 256.

²² Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1074. Л. 104.

²³ Подсчитано по: Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950-1965 гг. С. 218.

²⁴ РГАЭ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1650. Л. 180.

²⁵ См. подробнее: Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 1930-1960-е годы. // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96 – 111.

²⁶ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1308. Л. 147 – 149; Д. 1309. Л. 44-46, 67.

²⁷ Хозрасчет и цены в социалистическом сельском хозяйстве. С. 45.

²⁸ Подсчитано по: Совокупный доход семей рабочих промышленности, рабочих совхозов и колхозников РСФСР. М., 1962. С. 29; Совокупный доход семей колхозников РСФСР в 1971 г. М., 1972. С. 10.

²⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 24. Д. 582. Л. 4-55.

- ³⁰ Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР (1917 – 1954). М., 1954. С. 483.
- ³¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917 - 1967). Т.2. М., 1967. С. 707 – 713; Там же. Т.3. М., 1968. С. 336-341; Там же. Т.4. М., 1968. С. 290-297.
- ³² Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. С.558.
- ³³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. (1953 - 1961 гг.). М., 1968. С. 349, 428.
- ³⁴ Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965 – 1971). М., 1971. С. 18.
- ³⁵ Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР. Статистический сборник. М., 1957. С. 125; РСФСР за 50 лет. Статистический сборник. М., 1967. С. 79 – 80; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971. С. 484, 584; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. Статистический ежегодник. М., 1976. С. 149; Сельское хозяйство СССР. Статистический ежегодник. М., 1981. С. 383, 384, 453.
- ³⁶ Сборник законодательных актов о земле. М., 1962. С. 44.
- ³⁷ Там же. С. 370.
- ³⁸ Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. Статистический ежегодник. М., 1977. С. 201.
- ³⁹ Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965 – 1971). М., 1971. С. 30; Ленинская аграрная политика КПСС. М., 1978. С. 472.
- ⁴⁰ Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. С. 354.
- ⁴¹ См., например, Карнаухова Е.С. Дифференциальная рента и экономическая оценка земли. М., 1977.
- ⁴² Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965 – 1974). М., 1975. С. 905.
- ⁴³ Ленинская аграрная политика КПСС. М., 1978. С. 583.
- ⁴⁴ См., например: Ленинская аграрная политика КПСС. С. 634 – 635.
- ⁴⁵ Шмелев Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М., 2000. С. 246.
- ⁴⁶ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. С. 354.
- ⁴⁷ См. подробнее: Безнин М.А. Раскрестьянивание России //Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1. Вологда, 1992. С.103 – 110.
- ⁴⁸ См. например, выступление И.Е. Зеленина на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» //Отечественная история. 1994. № 2.
- ⁴⁹ Шанин Т. Определяя крестьянство. Очерки касательно сельских обществ, эксплоатранных форм экономики и выводы из них для современного мира. Оксфорд, 1990. М. 23-24.
- ⁵⁰ Он же. Обычное право в крестьянском сообществе // Куда идет Россия?..Формальные институты и реальные практики. М., 2002. С. 269 – 270.
- ⁵¹ Ильиных В.А. Тенденции и этапы процесса раскрестьянивания в Сибири в советский период (к постановке вопроса)// http://www.philosophy.nsc.ru/life/journals/humscience/2_98/08_ILIN.HTM. С.2
- ⁵² Подсчитано по: Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 8-9; Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. М., 1996. С. 16; Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966. С. 11; РСФСР за 50 лет. Статистический сборник. М., 1967. С. 131; Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. Статистический ежегодник. М., 1971. С. 337.
- ⁵³ Белянов В.А. Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1970. С. 122; Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950-1965 гг. С. 111.
- ⁵⁴ Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. политика партии и ее социально-экономические результаты. Изд. Саратовского университета, 1967. С. 81; Белянов В.А. Указ. соч. С. 43.
- ⁵⁵ Белянов В.А. Указ. соч. С. 78.
- ⁵⁶ Совокупный доход семей колхозников и его распределение. Статистические материалы. Приложению к бюллетеню ЦСУ РСФСР № 1. М., 1962. С. 15; Бюджеты семей рабочих, служащих и колхозников за 1980, 1985-1988 гг. М., 1989. С. 205.
- ⁵⁷ Бюджеты рабочих, служащих и колхозников за 1970, 1975 – 1979 гг. М., 1980. С. 100.
- ⁵⁸ Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР. Статистический сборник. М., 1957. С. 131 – 132; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. Статистический ежегодник. М., 1976. С. 166 – 167.
- ⁵⁹ Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950-1965 гг. С. 86 –90; Гулин К.А. Материальное положение колхозного крестьянства на Европейском Севере России в 1965 – 1985 гг. Дисс....канд. ист. наук. Вологда, 1999. С. 172 –173.

⁶⁰ Численность скота в РСФСР. Статистический сборник. М., 1961. С. 174; РГАЭ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1650. Л. 18.

⁶¹ История крестьянства СССР. Т.4. С. 296; Староверов В.И. Советская деревня на этапе развитого социализма. М., 1976. С. 14.

⁶² Островский В.Б. Указ. соч. С. 162-163.

⁶³ Там же. С. 163; Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. М., 1971. С. 289, 294; Сельское хозяйство СССР. М., 1981. С. 345; 369.

⁶⁴ См. подробнее: Безнин М.А., Димони Т.М. Зажиточное крестьянство России во второй половине XX века // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 5-15.

⁶⁵ Безнин М. А. Материальное положение рабочих и колхозников. 1950 – 1965 гг. Вологда, 1989. С. 23.